

С вечера разыгралась метель. Завыло в печной трубе, окна занесло тонким слоем снега. То и дело порывы ветра ударили о стену дома, поднимая вверх снопы снежной пыли. Скрипели протяжно ворота, натываясь на перекладину, сдерживающую массивные створки: «Бух-бух-бух».

Егорыч не спал. Ворочался с бока на бок, прислушивался к звукам непогоды, вставал пару раз, ощущая ногами прохладу деревянного пола, и, отдернув штору, вглядывался в окно.

Ночь выдалась на удивление белой — кучевые облака тянуло с севера и видно было, как ветер треплет голые ветки рябины в палисаднике, как раскачивает верхушку громадины сосны, растущей напротив дома. В такт разыгравшейся метели — сначала отдаленно, еле слышно, а потом совсем близко и неистово — в глубине егорычевых дум зарождалась тревога...

Тревога от переживаний о насущном — о работе, о семье, о бытовых нуждах. Так иногда бывает — всё наваливается скопом. Вот и у Егорыча так получилось.

Где тоненько, там и рвется. Первой подвела корова Жданка — проглотила с соломой какую-то железку и ее начало дуть. Ветврач Алехин выписал лекарства, сказал: «Если через три дня не пройдет, придется колоть». Жалко кормилицу, семь лет верой и правдой служит. По двадцать литров молока и утром и вечером дает. А тут еще на работе неприятности...

Голова Ивана Егоровича давно покрыта лунной сединой, а он всё еще один из самых ценных вальщиков. В коллективе, где он лет тридцать как бригадирствует, к нему уважительно обращаются «Егорыч».

В его бригаде давняя традиция — Егорыч раньше всех приезжает на деляну. Любит он эти минуты: по-хозяйски осмотрит место стоянки, проверит, всё ли в порядке, откроет вагончик, вскипятит воду, заварит крепкого чаю и, с удовольствием обжигаясь горячим напитком, смакует последние минуты тишины.

Тракторист Серёга Коломейко, балагур и любитель поговорить, на своем железном коне слышен издалека. За ним подъезжает вальщик Володя Семёнов на старенькой иномарке. Подтягиваются и остальные мужики. Слышны анекдоты, шутки. Пьют чай. Вскоре работа закипает. Кто цепи точит, кто идет валить деревья, кто сучки обрубать. У Егорыча никто без дела не сидит. А дней семь назад слег с воспалением легких Володька Семёнов. На подмену Егорычу в бригаду отправили Андрюху Холюкина.

Андрюха — парень резвый. В одной руке пирог держит, другой цепь точит. Егорыч вокруг него пару дней крутился, присматривался.

— Самое главное, Андрюха, не торопяха твоя, а с умом к делу подойти. Прежде чем сосну ронять, ты подойди, осмотришься. Покумекай, куда лучше уронить. Вот тут, видишь, подрост поднимается. А там, в гуще, трактор всё передавит, а ты ее вот сюда, милую, промеж вот двух сосенок, вдоль дороги. И Коломейко удобней ее оттуда достать, и не напакостишь. Понял? В какую сторону валить будешь, стой, запил сделай, а затем от запила круговую заводи...

— Угу, — кивает Холюкин, дожевывая пирог. — Чего тут! Понятно! — И, взяв в руки Still, пошел в чащу.

Зарычала бензопила, отзываясь гулким эхом в округе, словно чудище, пробудившееся ото сна. Вцепилась острыми зубищами в сочный ствол, раскидывая в стороны кору и опилки.

Со скрипом начинает заваливаться пушистая громадина, а потом с треском ломающихся сучьев и последним вздохом-гулом ударяется о землю, поднимая вверх столп снежной пыли. И если посмотреть на солнце, видно, как в воздухе летают мелкие снежные частички, и наступает тяжелая тишина.

Теперь Андрюху уже не остановить. Вошел в азарт парень в погоне за кубами. За премией. Словно и не слышал он наставления Егорыча.

Валит деревья направо и налево. Куда удобней. И по барабану ему подрост или гнездо какой-нибудь птахи. Или дупло белки. Или как ее трелевать будет тракторист. Лишь бы быстрее да больше. Лишь бы упала.

А потом Андрюха и вовсе нарушил ту «химию», которую создал Егорыч в бригаде, посягнув на святое: стал приезжать раньше Егорыча на деляну. Приехал Егорыч утром, а тот уже на его месте сидит чай пьет.

Тут Иван Егорыч и не выдержал.

— Убирай его к чертям собачьим! Нельзя ему в лесу! — с такими словами ворвался он через несколько дней в кабинет лесничего Мохова.

— Иван Егорыч, давай всё по порядку, — Мохов пригласил вальщика присесть. — Кого убирать и за что?

— Да Холюкина. Нельзя же так! Растет подрост, валит на подрост! Гнездо на дереве видит, валит на гнездо.

— Егорыч, но нельзя вот так, сторяча.

Мохов понимает бригадира, но кубы и на него давят, а для лесхоза это обстоятельство важнее, чем всякий там подрост.

— Работать некому. Ты поправь парня. Скажи, что нельзя так. А там и Володька Семёнов выйдет. Терпи уж, Егорыч. Терпи!

— Может, в сучкорубы его? — предложил Егорыч.

— Володька твой выйдет, и переведем тогда, а пока пускай работает! — отрезал Мохов и добавил: — Он там из бухгалтерии кому-то родственник.

Когда Егорыч уходил, лесничий предупредил его:

— Чуть не забыл! Лесхоз разрешил валежник собирать, соответственно народ на деляны полезет, кучи порубочных остатков ворошить начнут, так что смотрите там повнимательней.

Квартал, где идут рубки, находится километрах в пяти от поселка Ивана Егорыча.

Егорыч, не спавший полночи, вдруг засобирался. Подгоняемый нехорошим предчувствием, решил прогуляться до деляны, проверить, всё ли в порядке. А то в пятницу его вызвали в лесничество и он уехал раньше, и теперь душа болела, как там да что.

Егорыч вышел во двор, проведая корову — сердечная вроде начала поправляться. Занес в тени дров, набрал угля.

— Куда тебя леший несет?! — всплеснула руками жена. — Выходной! Сидел бы дома, Иван. Нагуляешься еще.

Но Егорыч махнул на супругу, мол, сиди, не твое дело, и начал одеваться.

В какой-то момент за окном наступило затишье — метель поухля; казалось, растеряла свою мощь на зимних неуютных полях, но вскоре разыгралась с большей неистовостью.

В утренних сумерках Егорыч прошелся мимо крайних домов, утонувших в убродном снегу, нацепил широкие охотничьи лыжи, перебрался через мосток и вышел в поле. Он шел, чуть наклонив корпус вперед, гнул голову к груди, сопротивляясь пронизывающему северному ветру, и казалось, нет ему спасения от непогоды. Метель хлестко била в лицо острыми хрусталиками, но вот среди снежной пелены, застилающей глаза, возникло неясное очертание соснового бора. Егорыч скрылся между деревьями, и ему стало спокойно.

Сильные порывы ветра, разбиваясь о вековые стволы-скалы, теряли мощь. Метель рвала теперь вверху, тревожа заснеженные хвойные вершины, а Егорыч шел по известной только ему дороге и чувствовал разливающееся по телу тепло.

Забравшись на взгорок, он остановился передохнуть у высокой разлапистой сосны и, движимый неясным желанием, вдруг прикоснулся к шероховатому стволу.

Тяжесть накопилась на душе. Захотелось вдруг поделиться.

Ствол испещрен морщинками толстой коричневой коры. Егорыч погладил его, коснулся щекой, вдыхая запах сохранившейся еще летней пыли. Ему вспомнились руки матери. Они были такие же теплые и шершавые, как эта кора. Он вдруг вспомнил, как она умирала — лежала на своем диванчике у печки, смотрела в потолок и что-то шептала пересохшими, обескровленными губами.

— Иван, иди! — сказала сестра, выходя из комнаты. — Она тебя звала.

Он подошел к матери, взял за руку. Последние ее слова залегли в душу:

— Ваня, живи по сердцу да людям помогай, чтоб знала, что не зря тебя растила...

Ему тогда показалось, что рука теплая, как вот эта кора, как земля, вобравшая в себя весеннюю влагу и теперь, обдуваемая ветерком, немного суховата сверху, а копни чуть глубже — там сочный чернозем, сила, дающая прорасти хлебу.

Но воспоминания и дальше его не отпустили. Вспомнилось, как пришел в лесхоз после развала совхоза в девяностые и работал сначала на тракторе, потом на лесовозе, а позже перешел в вальщики. Пробежавшись по вехам своей жизни, вдруг подумал: как быстро пролетели годы...

Немного отдохнув, Егорыч продолжил путь.

Он шел дальше, защищенный со всех сторон могучим сосняком, унося с собой частичку тепла того дерева, у которого недавно стоял.

Ветер, играясь в сосновых вершинах, взлохмачивал колючие кудри, покрытые снежной сединой. Егорыч сократил путь — спустился в ложбинку и уперся в три стежки свежих следов.

Он ускорил шаг и вскоре до его слуха донесся звонкий ребячий гомон.

Как и говорил Мохов, населению разрешили брать валежник. Летом хорошо его собирать, а сейчас зима и путь в лес один — накатанная к деляне лесовозами дорога, где идут вырубки. Этим многие и пользовались. Кто на лошади с санями приедет, сучков нагрузит, кто на машине с прицепом.

Их было трое: Маринки Петровой пацаны — старшему Димке четырнадцать, среднему Олегу — двенадцать и младшему Шурику — одиннадцать лет. Жили они на соседней улице с матерью и бабушкой. Маринка воспитывала пацанов в строгости, но в любви и заботе, потому мальчишки росли правильными, трудолюбивыми и всегда держались друг за дружку.

Да и у бабушки не забалуешь:

— Чего дома сидеть! Дуйте на деляну, каждый по охапке принесет сучков, на одну топку бани наберется, — отправила она своих орлов в лес. — Утром ходите, а к вечеру баньку подтопим.

Стараясь не выдать себя, Егорыч обошел братьев стороной и, скрытый кучами наваленных веток, некоторое время наблюдал за ребятней. Мальчишки, увлеченные делом, ворошили кучи с ветками, выбирали большие сучки и, топориком отделив хвою, складывали их в одно место.

Димка отошел от братьев и побрел в сторону куч, за которыми и прятался Егорыч. Подойдя к ним, мальчик стал ворошить ветки, выискивая что покрупней. Неожиданно рядом предательски скрипнуло дерево. Егорыч посмотрел вверх, затем взгляд его пробежался по стволу к корню. Егорыча обдало жаром — сосну запилили с одной стороны и пытались свалить, но направили не туда, и она, ветвями зацепившись за другие деревья, повисла в воздухе, держась на сучке. Ветер раскачивал сосну и заставлял ее протяжно скрипеть.

Сразу перед глазами Егорыча встала картина, как Андрюха делает запил на дереве и, когда то повисло, машет на него рукой и идет к другому. Останься вчера Егорыч на деляне, этого бы не произошло, не ушел бы, пока сосна не оказалась на земле.

Внутри Егорыча оборвалась какая-то струнка, когда вдруг после очередного порыва ветра дерево дернулось и, медленно скользя по соседней сосне, поползло вниз.

— Мать Божья... — прошептал Егорыч, а затем раздался крик, в котором он с трудом узнал собственный голос: — Уходи! В сторону, в сторону!

Мальчишка, оказавшись под нависшим деревом, встал как вкопанный, не понимая, что происходит — откуда взялся этот дядька и что он ему кричит.

Лесная громадина, протяжно скрипнув, снова дернулась, но, зацепившись веткой за соседний ствол, вдруг зависла в воздухе. Повисела секунду, а затем, с шумом разгоняя снежную пыль, ломая ветви и сучья, рухнула вниз, словно в пропасть.

Всё смешалось в одном мгновении: самонадеянная ухмылка Андрюхи Холюкина и недоуменный взгляд мальчишки, когда Егорыч, преодолев расстояние между ними, оттолкнул того в сторону.

Последнее, что запомнил Иван Егорыч — как рассеивались утренние сумерки и начинался новый светлый день...